

на юге Италии и серьезно проясняющий туманное сообщение Олимпиодора о смерти этого предводителя готов (р. 35).

Для российского специалиста новое явление книги К. Гордона — пример многогранности методов формирования научной литературы, ориентированной на широкого читателя. Огромный плюс этого издания — демонстрация того, как можно для такого читателя сделать увлекательным ознакомление с текстами (пусть даже в переводах) сложных нарративных источников, от которых сохранились лишь фрагменты и краткие компиляционные версии. Эта сторона книги во многом компенсирует недостатки ее научного уровня, повысить который профессору Д. Поттеру удалось только частично.

Blockley R. C. The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, 1981. Vol. I. P. IX, 196; 1983. Vol. II. P. X, 515. (ARCA. Classical and Medieval Texts, Papers and Monographs, 6).

Рецензия поступила в редакцию 13.07.2015 г.

УДК 911.7(470)(084.12) + 94(470)(084.12)

Е. Е. Приказчикова

БЕЛЬГИЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ: ПО СЛЕДАМ А. РАДИЩЕВА

Рец. на кн.: Вагеманс Э., Куденис В. Путешествие из Петербурга в Москву : фотоальбом / Э. Вагеманс, В. Куденис ; фот. В. Куденис ; пер. с нидерл. Д. Сильвестрова. — М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2013. — 112 с.

В рецензии на книгу Э. Вагеманса и В. Кудениса «Путешествие из Петербурга в Москву : фотоальбом» автор анализирует основные темы, поднимаемые бельгийскими славистами при рассмотрении «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева в широком контексте современной российской жизни. Автор рецензии пытается ответить на вопрос, в чем заключается специфика восприятия европейскими исследователями русской действительности, начиная с эпохи императрицы Екатерины II, и почему этот взгляд не всегда совпадает с мировидением самих россиян.

Ключевые слова: А. Радищев; Путешествие из Петербурга в Москву; Э. Вагеманс; В. Куденис; фотоальбом.

Книга Э. Вагеманса и В. Кудениса, двух известных бельгийских славистов, «Путешествие из Петербурга в Москву : фотоальбом» представляет собой историко-литературоведческий эксперимент. Через 220 лет после путешествия А. Н. Радищева авторы книги проехали по «царской дороге» между Петербургом и Москвой, делая фотографии и сравнивая свои сегодняшние впечатления с теми, которые были запечатлены на страницах бессмертной книги великого русского просветителя XVIII в.

Несмотря на то, что книга имеет подзаголовок «Фотоальбом», текст глав играет в нем не меньшую, а может быть, и большую роль. Книга делится на две части: предыстория «Путешествия...», включающая описание Санкт-Петербурга, и собственно само путешествие через селения-городки-станции, известные по некогда хрестоматийному произведению А. Н. Радищева: от Софии до Черной Грязи. По убеждению авторов, «Путешествие...» А. Н. Радищева остается необыкновенно современным и в XXI в., волнуя своих читателей «актуальными идеями относительно приверженности к свободе, ненависти к насилию и авторитаризму, пагубности войн и необходимости взаимовыгодной торговли» (с. 12).

Через все главы книги проходит несколько сквозных тем, к которым Э. Вагеманс и В. Куденис возвращаются снова и снова.

Во-первых, это личность самого А. Радищева, человека, ставшего олицетворением совести интеллигента екатерининской России, «первым русским диссидентом» (с. 9), писателем, чей тип будет снова и снова повторяться в русской истории и литературе, где противостояние человека и государственной машины часто приобретает драматические черты.

Исследователи ставят под сомнение историю самоубийства Радищева, задаваясь риторическим вопросом, с чего «потомственный дворянин, самим царем привлеченный к ответственной государственной работе, должен был лишиться себя жизни?» (с. 10). Выступая борцами за историческую память А. Н. Радищева, исследователи встают на сторону писателя в его споре с А. С. Пушкиным, когда А. С. Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» подверг «Путешествие...» А. Н. Радищева суровой критике, назвав его «весьма посредственной книгой» и признав, что в целом «влияние его (Радищева. — *Е. П.*) было ничтожно. Все прочитали его книгу и забыли ее» (с. 37). Полемизируя с А. С. Пушкиным, Э. Вагеманс и В. Куденис патетически восклицают: «Пушкин ошибся. “Путешествие из Петербурга в Москву” не забыто <...> Радищев задал направление всей русской литературе XIX в.: быть причастной к тому, чем живет общество, неравнодушной, критической и независимой» (Там же).

Вторая тема, занимающая авторов фотоальбома, — это история создания Петербурга как столицы империи и главных мест, связанных с имперским мифом русской государственности, а также с историей пребывания в нем А. Н. Радищева. Э. Вагеманс и В. Куденис обращают пристальное внимание на жанровую природу произведения, отказываясь считать «Путешествие...» А. Н. Радищева путевыми заметками, так как из двадцати пяти его глав лишь четыре связаны с реально существующими местами, а в десяти речь лишь заходит о конкретных топосах и действительных обстоятельствах. По мнению исследователей, в случае с А. Н. Радищевым речь должна идти о политической публицистике: «Радищев использует путевые заметки как плечики, на которые вешает свои идеи о справедливой России будущего» (с. 12).

Описывая возникновение Санкт-Петербурга и миф о Санкт-Петербурге, авторы фотоальбома уделяют большое внимание милитаристско-репрессивным символам столицы русской империи, получившим новую жизнь после Октябрьской революции. Так, в главе «Санкт-Петербург как столица. Петропавловская

крепость» история Петропавловской крепости дана всецело через призму ее «мрачной славы... политической тюрьмы, “русской Бастилии”», где Радищев «испытывал ужас перед пытками, которые могли его ожидать» (с. 25). В главе «Зимний дворец», описывая имперский статус дворца и музейную (с 1852 г.) историю Эрмитажа, исследователи сосредотачивают свое внимание на восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., убийстве императора Александра II, которое произошло недалеко от Зимнего дворца, на расстреле в январе 1905 г. на Дворцовой площади мирной демонстрации. В главе «Сенат» авторы книги специально обращают внимание на тот факт, что первый департамент Сената как высшего государственного органа, имеющего законодательные функции, ведал... Тайной экспедицией, занимавшейся расследованием в России политических преступлений. Э. Вагеманс и В. Куденис даже делают предположение, на наш взгляд необоснованное, что факт службы А. Н. Радищева после его возвращения из Лейпцига в 1771 г. протоколистом в Первом департаменте Сената мог способствовать тому, что С. Шешковский, стоящий во главе Тайной экспедиции, обращался с ним в заключении достаточно мягко. Все-таки протоколист Сената, в чьи функции входило занесение в особую книгу резолюций Сената, ведение каталога постановлений Сената, а также доставление документов к подписанию сенаторам, это не та должность, которая могла испугать «кнутобойца» Степана Шешковского. Впрочем, выше авторы книги совершенно справедливо утверждали, что покровителем А. Н. Радищева, обеспечившим ему «относительно сносное пребывание в сибирской ссылке» (с. 10), был его бывший начальник Александр Воронцов, сенатор и президент коммерц-коллегии.

Одним из основных героев фотоальбома Э. Вагеманса и В. Кудениса является сама царская дорога из Петербурга в Москву, построенная по приказу Петра I. Эта дорога общей протяженностью 719 км, преодолеть которые в эпоху Радищева можно было за неделю, является третьей темой фотоальбома. В 1711 г. на равном расстоянии друг от друга были построены почтовые станции, расстояние между ними отмечалось верстовыми столбами, отсчитываясь от главного почтамта г. Санкт-Петербурга. Почтовый тракт эпохи Радищева в основном совпадает с современной автомагистралью Петербург — Новгород — Тверь — Москва. Только в 1837 г. у «царской дороги» появились конкуренты. Прежде всего, это первая в России железная дорога, соединившая Петербург с Царским Селом, бывшим летней резиденцией русских царей, в 1837 г. Железная дорога между Петербургом и Москвой общей протяженностью 650 км получила название Николаевской в честь ее инициатора императора Николая I и была построена за 9 лет, сократив 7-дневное путешествие в кибитке или в карете до 21 часа 45 минут.

Не обходят вниманием Э. Вагеманс и В. Куденис и водную дорогу между Петербургом и Москвой, о которой впервые задумался тоже Петр I, пожелав соединить между собой сразу три реки: Неву, Волгу и Москва-реку. Однако только в XX в. водное сообщение между Москвой и Петербургом было установлено, главным образом, силами политических заключенных, чей «рабский труд описывался по радио и в газетах как героическое достижение “великого кормчего”» (с. 19). Построенный в результате «водный путь», включающий в себя и озера

Русского Севера, в настоящее время предназначен, по мнению авторов, лишь для туристических маршрутов, позволяющих состоятельным иностранцам увидеть «еще не подвергшиеся разрушению архитектурные сокровища старой России» (Там же). Последняя фраза позволяет сделать вывод, что для авторов книги именно пространство между Петербургом и Москвой, трансформируемое в топос «царской дороги», становится олицетворением культурного кода России, где, по логике, должны быть сосредоточены все лучшие памятники ее культурного наследия.

Общий пафос фотоальбома заключается в желании Э. Вагеманса и В. Кудениса понять основные социальные конфликты русской жизни, отражение которых можно найти в художественном творчестве, прежде всего, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Радищева. Для авторов фотоальбома это, прежде всего, вечный конфликт частного человека с государством, с его силой и мощью. В этом отношении А. Н. Радищев воплощает собой тип «свободного человека», он — «принципиальный противник самодержавия» (с. 39) и «западная литература XVIII в. не знает произведения, в котором бы с такой остротой выступали против существующего порядка» (Там же). Второе великое произведение русской литературы, непосредственно связанное с проблематикой «Путешествия...» А. Н. Радищева, — это «Медный всадник» А. Пушкина. Размышляя о проблеме взаимоотношений человека и государства, Э. Вагеманс и В. Куденис приходят к грустному выводу, что «грань между произволом и “общими интересами” в России невероятно тонка» (с. 51).

Несомненно, что на пути из Петербурга в Москву Э. Вагеманс и В. Куденис стремятся отыскать воспоминания о былом величии императорской России и русской дореволюционной культуры. Например, «София» заставляет их вспомнить «греческий» проект Екатерины II вытеснить Османскую империю из Европы. Авторы напоминают читателю, что недалеко от этой почтовой станции, во флигеле Царскосельского дворца, в 1811 г. по инициативе императора Александра I был открыт Царскосельский лицей, самым известным воспитанником которого оказался «национальный поэт России» (с. 42). Как бельгийцам, Э. Вагемансу и В. Куденису представляется очень важным тот факт, что архив бывших воспитанников Лицея, оказавшихся после 1917 г. в эмиграции, в настоящее время находится в Военном Музее Брюсселя. В главе «Новгород» авторы фотоальбома достаточно подробно рассказывают историю создания памятника «Тысячелетие России» скульптора М. О. Микешина, установленного в самом центре Новгородского кремля, который «наглядно демонстрировал широким слоям населения славную историю Отечества» (с. 57), начиная с призвания Рюрика и крещения Руси и заканчивая образованием Российской империи в 1721 г. «Крестцы» оказываются связанными в сознании авторов фотоальбома сразу с четырьмя деятелями русской культуры. Это писатель Федор Сологуб, автор романа «Мелкий бес»; поэт Николай Некрасов, который в поэме «Кому на Руси жить хорошо» «показал неодолимую пропасть между помещиками и крестьянами — радищевская тема по преимуществу» (с. 67); писатель-народник Глеб Успенский, автор книги «Власть земли», и поэт Велимир Хлебников,

один из «самобытнейших художников слова в XX веке» (Там же), похороненный в деревне Ручьи близ Новгорода.

Торжок, расположенный между Вышним Волочком и Тверью, пережил свой культурный расцвет немного позднее путешествия Радищева, в начале XIX в. Его самой главной достопримечательностью, по справедливому мнению Э. Вагеманса и В. Кудениса, была гостиница Пожарского, прославившаяся своими котлетами. «Пожарские котлеты» упоминали в своих произведениях В. Жуковский, А. Пушкин, Н. Гоголь, С. Аксаков, А. Островский, И. Тургенев, Л. Толстой. В Твери авторы книги обращают внимание на памятник тверскому купцу Афанасию Никитину, совершившему в 1468–1474 гг. полное опасностей и приключений путешествие в Индию, описанное им в путевых заметках «Хождение за три моря». Клин, расположенный всего в 95 км от Москвы, стал известен в конце XIX столетия благодаря усадьбе Петра Ильича Чайковского, в которой композитор жил и работал в 1892–1893 гг. Разумеется, практически все эти факты известны современным российским интеллектуалам, но Э. Вагеманс и В. Куденис связывают их воедино топомом «царской дороги» А. Н. Радищева, рассматриваемой как интеллектуальная магистраль русской жизни.

Обращает на себя внимание тот факт, что авторы книги, проводя параллели между прошлым и настоящим, екатерининской Россией и постсоветской действительностью, всё время с прискорбием замечают, что в России очень мало изменилось в лучшую сторону со времени Александра Радищева. В советскую эпоху «царская дорога» и примыкающие к ней места пережили много исторических катаклизмов, включая войны и революцию, от которых они не оправились по сей день. Поэтому многие культурные места центра России до сих пор находятся в запустении, подобно остаткам почтовой станции и постоялого двора в Яжелбицах, используемых в советскую эпоху как школа и склад. Современное Едрово угнетает Э. Вагеманса и В. Кудениса реалиями российской провинции, где «почтовые станции и церкви обращены в руины» и «прячутся за торговыми палатками, магазинчиками и придорожными кафе, бездумно понастроенными прямо среди грязи» (с. 73). От Медного тоже мало что сохранилось: «почтовая станция несколько лет назад сгорела, почтовая контора и прежде всего наводящий тоску Дом культуры будят удручающие воспоминания о Советском Союзе» (с. 89).

Одним из самых печальных обстоятельств для авторов книги, как для большинства западноевропейских гуманитариев, является даже не сам факт культурного запустения некогда блестящей (хотя бы с вида!) «царской дороги», но наличие большого количества свидетельств того, что в современной России до сих пор не изжиты элементы советского прошлого, автократии, тоталитаризма и милитаризма. Иногда взгляды авторов могут показаться российскому читателю политически предвзятыми. Особенно это касается критического взгляда авторов на память о Великой Отечественной войне, культивирующуюся в современной России. Так, в главе «Едрово» они отмечают, что «если что и почитается вдоль всей трассы, так это память о Великой Отечественной войне» (с. 73). При этом, как и в советское время, «невыразимые страдания вновь превращаются

в беззаветное самопожертвование, а победа Сталина и советского народа над нацистской Германией рассматривается как важнейшая веха в становлении современной России» (Там же). Примечательно, что Э. Вагеманс и В. Куденис настойчиво фиксируют элементы антивоенного сознания в сочинении самого А. Н. Радищева, будь то главы «Городня», «Спасская Полесь» или «Зайцево». Напомнив читателю, что еще императрице Екатерине II не понравился пафизм писателя, исследователи проводят параллель между взглядами российской императрицы и позицией современной российской власти, которую они характеризуют словом «оборона». Именно «“Оборона” всегда играла главную роль в российском мышлении <...> Жив сей дискурс и в посткоммунистический период» (с. 95) — напоминают авторы книги.

В главе «Черная грязь» Э. Вагеманс и В. Куденис, наконец, формулируют свою точку зрения на культурную историю России, рассмотренную через призму «царской дороги». Полемизируя с культурно-историческими и идеологическими амбициями современной России, бельгийские слависты приводят в качестве примера слова А. Н. Радищева из «Новгорода», где русский писатель размышляет в духе гердеровской палингенезии о судьбах великих цивилизаций Афин, Спарты, Трои, Карфагена, Древнего Египта, переживших свой расцвет и с неизбежностью склонившихся к упадку. К сожалению, многие реалии современной российской жизни дают авторам фотоальбома повод думать, что Россия также недалеко отстоит от этого пути: «Руинами России Екатерины Великой во множестве отмечен царский путь из Петербурга в Москву» (с. 104). По мнению исследователей, это вызвано «вопиюще пренебрежительным отношением к культурному наследию» (Там же) в России в течение драматического для нее XX столетия. Э. Вагеманс и В. Куденис с горечью пишут: «Почти все здания замечательного русского архитектора Николая Львова (1753–1804), автора многочисленных крупных архитектурных проектов между двумя столицами, разрушены до основания. Блистательную усадьбу Знаменское-Раек по соседству с Торжком реставрирует состоятельный новый русский. В Англии такой памятник был бы одним из грандиозных объектов деятельности Национального треста, занимающегося охраной исторических памятников» (Там же).

Вместе с безусловными достоинствами у книги бельгийских славистов есть очевидные недостатки, касающиеся восприятия «Путешествия...» А. Н. Радищева и самого места «царской дороги» в культурном пространстве России. Так, безусловно, нельзя согласиться с мнением авторов, что для книги А. Н. Радищев избрал исключительно «риторику классицизма», что делает «книгу почти нечитабельной для наших современников» (с. 12). Классицистический пафос, действительно, является одним из доминирующих в повествовании, но не менее важной для Радищева оказывается сентименталистская составляющая текста с его апелляцией к чувствительному читателю — «сочувственнику», как его называли в XVIII столетии. И данный гуманистический пафос книги был хорошо понятен современникам русского писателя, повторявшим знаменитые строки «Путешествия...»: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Подробно описав культурные достопримечательности Санкт-Петербурга, Э. Вагеманс и В. Куденис буквально на одной странице описывают Москву, придав неоправданно большое значение «коммунистической» составляющей города вроде переезда советского правительства в Москву в 1918 г. или типично сталинскому стилю московского Речного вокзала, находящегося в настоящее время плачевном состоянии. При этом исследователи не отмечают буквально ни одного положительного момента, связанного с возрождением многих важнейших культурных объектов российской столицы, например, того же храма Христа Спасителя. Хотя авторами упоминается факт его уничтожения в 1931 г., план построить на его месте Дворец Советов и открытие в результате... плавательного бассейна. Вообще, из книги чувствуется, что авторы с трудом соглашались считать религиозные культовые памятники России важнейшей частью ее культурного наследия, даже если речь идет о дореволюционной эпохе. Фотографируя строила восстанавливаемых церквей, авторы неизменно вопрошают: «Восстановление церквей пользуется в России приоритетом. Дойдет ли очередь и до всего остального?» (с. 67).

Нельзя не прокомментировать многочисленные фотографии, сопровождающие исследование, которые, собственно, и позволили определить жанр произведения как «Фотоальбом». Большинство фотографий, предлагаемых авторами в книге, выполнены в традициях жесткого реализма, напоминающих пафос известной книги маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Они, по большей части, фиксируют лишь негативные черты современной российской действительности: грязь, запустение, сохранившиеся черты советского прошлого, воспринимаемого Э. Вагемансом и В. Куденисом исключительно через призму сталинизма, милитаризма и ГУЛАГа. Это придает всей подборке фотографий черты некоторой предвзятости и шаржированности. Так, бюст А. Радищева сфотографирован с такого ракурса, что на его лице видны следы птичьих экскрементов. Можно, конечно, увидеть в этом натурализм, но это единственное в книге изображение автора «Путешествия из Петербурга в Москву», по которому европейские читатели должны будут судить об облике знаменитого русского писателя XVIII в. Подобный подход касается даже таких прославленных мировых памятников искусства, как Эрмитаж и Русский музей. Дав прекрасное фото Эрмитажа, на переднем плане перед которым расположено целое поле розовых тюльпанов, Э. Вагеманс и В. Куденис замечают: «В России никогда не знаешь, где кончается реальность и начинается раскрашенная картинка» (с. 15). Высказывание, прекрасно коррелирующее с мнением А. де Кюстина о России как о стране с прекрасными фасадами, но грязными задворками.

Особенное разочарование авторов вызывает российская провинция: «Многие места между Петербургом и Москвой — бледные подобию того, чем они были когда-то. Здесь (речь идет об Яжелбицах. — Е. П.) только церкви и магазинчик» (с. 69); «От Путевого дворца в Твери, построенного для Екатерины Великой, веет европейским блеском, однако здание сильно нуждается в реставрации» (с. 90); «Официально Россия отбросила свое коммунистическое прошлое:

в “провинции”, однако, это выглядит гораздо менее убедительно» (с. 92): «Речной вокзал в Твери вышел из употребления, но сохраняет краски и запахи советского прошлого — к немалому удовольствию бродячих собак» (с. 95); «Чуть в сторону от шоссе попадаешь если и не в необитаемый мир, то почти наверняка на грязную проселочную дорогу. Слово “грязь” нередко встречается в названиях населенных пунктов» (с. 104), и т. д.

Правда, подобный критический взгляд на реалии российской действительности во многом обусловлен тем, что авторы книги считают свое произведение продолжением именно радищевской традиции в русской словесности, т. е. традиции по преимуществу сатирической. Не случайно исследователи говорят, что вместе с А. Н. Радищевым в России была установлена новая мода: ссылать писателя за подстрекательную книгу. «В XIX и XX вв. множество интеллектуалов — критиков режима — отправились в ссылку по стопам Радищева» (с. 9), — уточняют они.

Справедливости ради, надо отметить, что иногда этот критический настрой всё же покидает авторов фотоальбома, и они фиксируют обычные реалии жизни северо-западных областей России, равно понятные как европейцам, так и россиянам. Например, превращение почтового тракта в современную скоростную автомагистраль; ожидание поезда в Любани; почитание мертвых едой на кладбище; загорающие на фоне стен Новгородского Кремля; ранний купальщик в Волхове накануне рабочего дня; вывески в Торжке с использованием дореволюционной орфографии, которые нравятся горожанам, естественное желание новобранных сфотографироваться на фоне памятников: будь это Медный всадник в Петербурге или памятник купцу Афанасию Никитину в Твери.

В конце нашей рецензии хотелось бы вспомнить слова Э. Вагеманса и В. Кудениса из Предисловия: «Мы иллюстрируем книгу собственными фотопечатлениями, которые касаются и сегодняшних дней, и далекого прошлого. Их можно прочесть просто как иллюстрации к тексту, но они, собственно, задуманы как нынешние добавления к истории прошлого. В этом смысле мы, как и Радищев, не более чем субъективные путешественники» (Там же). Хотелось бы только добавить, что именно традиция путешествия, начиная с эпохи древнерусской словесности и жанра хождений, чаще всего давала возможность русским художникам слова выразить свое отношение к миру. И это отношение чаще всего колебалось между утопией и дистопией. Подобное отношение было характерно и для Александра Радищева, у которого дистопия «Спасской Полести» уравнивается утопическими проектами «Хотилова» и «Выдропуска». Именно вера А. Н. Радищева в возможность просветительского переустройства русского общества на справедливых началах, в основании которого лежит утопия-эвпсихия о создании идеального человека, заставила его взять в руки перо. И, напротив, сомнения в возможности этого быстрого переустройства в условиях крушения библиофилического мифа Просвещения, принудившие писателя с горечью признать, что «народ наш книг не читает», стали причиной его самоубийства в 1801 г., когда вся Россия переживала эйфорию по поводу наступления «дней александровых прекрасного начала». Этот трагизм судьбы писателя делает его

книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» вечным спутником не только российского, но и европейского читателя, и в этом Э. Вагеманс и В. Куденис совершенно правы.

Рецензия поступила в редакцию 29.09.2015 г.

УДК 316.722 + 316.324 + 316.42

Ю. В. Матвеева

КОЛЛАЙДЕР ГУМАНИТАРНОГО МЫШЛЕНИЯ

Рец. на кн.: Проблемы культурного пограничья. Памяти В. Б. Земскова (1940–2012) / отв. ред. Ю. Н. Гирин. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — 504 с.

В рецензии дается обзорная характеристика сборника научных трудов, посвященного памяти В. Б. Земскова и вышедшего по итогам проведенной им конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры / литературы» (2012). Главная проблема, вокруг которой сосредоточено внимание исследователей, — проблема влияния цивилизационно-культурных пограничий на формирование и развитие национальных культур и литератур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурное пограничье; цивилизационные исследования; глобализационные процессы; В. Б. Земсков.

Книга «Проблемы культурного пограничья. Памяти В. Б. Земскова (1940–2012)», вышедшая в Институте мировой литературы в 2014 г., стала событием в мире современной российской гуманитарной науки, не сказать о котором невозможно. Под обложкой с неявным знаком для посвященных — вытисненной на коже каравеллой Колумба — собраны тексты статей и докладов, написанных учеными из разных сфер гуманитарной науки (философами, филологами, историками) для конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры / литературы», которую задумал и провел Валерий Борисович Земсков в июне 2012 г. Так случилось, что итоговая после конференции книга стала памятью, отзвуком, продолжением и воплощением научных идей замечательного ученого. Говорят об этом и теплое, по-человечески душевное предисловие, и выверенная ответственным редактором Ю. Н. Гириным структура книги, и содержание самих статей, где всюду присутствует Валерий Борисович, его мысли, его работы, его полемическая энергия.

Как и научная мысль В. Б. Земскова, книга его памяти отличается невероятной широтой представленного материала: посвященная проблемам цивилизационных исследований, она сама явилась феноменом в мире глобализационных процессов, ибо охватывает сквозь призму видения пограничных явлений почти весь мир или, по крайней мере, большую его часть, выстраивая при этом, как того и хотел В. Б. Земсков, «пространство гуманитарной междисциплинарности».